

А. Ю. Конев

О роли и значении Инструкции пограничным дозорщикам 27 июня 1728 г. в правовом регулировании управления и суда «ясачных иноземцев» Сибири

A. Yu. Konev

About a Role and Value of «The Instruction to Frontier Guards» on June 27, 1728 in Legal Regulation of Governance and Court of Siberian «Yasak Foreigners»

Статья посвящена исследованию вопроса о применении инструкции, данной графом С. Л. Рагузинским пограничным дозорщикам Фирсову и Михалеву в практике управления автохтонными народами Сибири. На основе анализа опубликованных и новых архивных материалов автор обосновывает вывод о том, что до середины XVIII в. ее положения применялись главным образом в Забайкалье, она не являлась руководящим актом в области управления всеми «ясачными иноземцами» Сибири.

Ключевые слова: инструкция С. Л. Владиславича Рагузинского, история законодательства, управление и суд, автохтонные народы Сибири.

Различного рода преобразованиям в области административного устройства и социально-правового положения аборигенных народов Сибири посвящен значительный объем отечественной и зарубежной литературы. Тем не менее, отмечу, что при всем внимании к российской «инородческой» политике вряд ли можно говорить о полноценной исследовательской разработке истории реформ в соответствующей сфере применительно к XVIII столетию, особенно его первой половине. В этом отношении XIX в. и прежде всего Устав об управлении инородцев изучен более основательно и всесторонне.

В XVIII в. в практике взаимоотношений Российского государства с народами Сибири осуществлялся переход от методов военно-политического подчинения и регулирования к правовым. Зачатком «будущей модели административно-управленческой интеграции аборигенов в общероссийскую государственную систему» принято рассматривать положения инструкции графа С. Л. Владиславича Рагузинского 1728 г. пограничным дозорщикам Фирсову и Михалеву [1, с. 5]. Граф, назначенный чрезвычайным посланником для урегулирования вопросов с Китайским государством, разработал особые правила в дополнение к инструкции дозорщикам от 27 июня 1728 г. [2, с. 34–37] в связи с дошедшими до правительства жалобами на притеснения от сборщиков

The article is devoted to research on a question about application of the Instruction given by a count S. Raguzinsky to Russian frontier guards Firsov and Mikhalyov in practice of governance of the Siberian indigenous people. Basing on the analysis of published and new archive materials, the author proves a conclusion that till the mid-XVIII century the Instruction was mainly applied in Transbaikalia and it wasn't the leading act in the field of control of all Siberian «yasak foreigners».

Key words: S. L. Vladislavich-Raguzinsky's instruction, legislation history, governance and court, indigenous people of Siberia.

ясака и беспорядки по управлению у забайкальских бурят, проживавших на приграничных территориях.

Первым, кто дал оценку административно-правовым установлениям XVIII в. в сфере управления сибирским ясачным населением, стали правительственные круги, а точнее, II отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, подготовившее и издавшее «Обозрение главных оснований местного управления Сибири». В нем кратко охарактеризованы нормативные акты, предшествовавшие сибирской реформе 1822 г., в том числе в отношении инородцев, определены недостатки системы управления краем, изложены идеи и содержание подготовленных для Сибири законопроектов. «Обозрение» основывалось на материалах разработчика реформы — М. М. Сперанского (отчет, подготовленный по итогам ревизии с прилагавшимися «собраниями разных сведений о Сибири») и, безусловно, отражало его точку зрения.

Постановления о сибирских народах до 1822 г., по мнению правительственных чиновников, «ограничивались небольшим числом указов о приведении в христианство и двумя инструкциями: 1) инструкцией, данною в 1728 году Владиславичем-Рагузинским пограничным (по Китайской линии) дозорщикам Фирсову и Михалеву, о разборе маловажных дел ясачных иноверцев; и 2) инструкцией, данною,

за Высочайшим подписанием, в 1763 году, секунд-майору Щербачеву, *о ясачной подати ...*). При этом указано, что они заключали «одно предварительное начертание тех оснований, на коих должны были быть составлены полные правила о инородцах» [3, с. 24–25]. Такая, прямо скажем, скупая выборка и сдержанная оценка обусловлены стремлением подчеркнуть значимость Устава об управлении инородцев 1822 г. и всесторонность разработанной им системы.

Интересно, что Инструкция пограничным дозорщикам рассматривается в «Обзрении» как нормативный акт, регулировавший прежде всего сферу суда. Ценным является замечание о том, что положения инструкции подтверждены высочайшим указом от 6 марта 1783 г., в той части, что «суд и расправа во всех делах тяжёбных и в неважных уголовных между сибирскими инородцами предоставлены родовым их управам, и почетным людям, по их степным правилам» [3, с. 27].

По мнению составителя Материалов комиссии для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области А. Щербачева, особые правила пограничным дозорщикам в дополнение к инструкции 27 июня 1728 г. графа Рагузинского явились «первым и единственным для XVIII столетия актом, установившим порядок управления забайкальскими инородцами» [4, с. 82]. Он отметил, что за родовыми начальниками (тайшами и зайсанами) закреплялся статус «органов правительственной власти», подчеркнул стремление Рагузинского отдалить кочевников от соприкосновения с русской администрацией. В частности, во избежание притеснений со стороны сборщиков ясака было разрешено иноземцам самим собирать ясак и представлять его через родоначальников [4, с. 82, 96]. Таким образом, рассматривая Инструкцию как документ, распространявший свое действие на конкретный регион, Щербачев расширительно толковал сферу ее компетенции.

Советский историк Ф. А. Кудрявцев в своей монографии 1940 г. обратил внимание на то, что хотя Инструкция предназначалась для управления только пограничными племенами, на нее ссылались в своих общественных приговорах верхоленские, балаганские, селенгинские буряты, а также якуты [5, с. 130]. Позднее в соответствующем разделе второго тома «Истории Сибири», подготовленного им совместно с О. Н. Вилковым, Кудрявцев напишет, что в первой половине XVIII в. инструкция Саввы Рагузинского была «руководящим актом» в области управления ясачным населением Сибири и распространялась не только на бурят, но и другие народы. Правда, уважаемые авторы не привели каких-либо фактов в подтверждение данного тезиса [6, с. 310].

Точка зрения Ф. А. Кудрявцева была полностью воспринята Л. М. Дамешеком, сначала в диссертационном исследовании 1973 г., а затем в мо-

нографии, опубликованной в 1986 г. [7, с. 31]. К середине 1980-х гг. представление об инструкции Владиславича-Рагузинского как поворотном пункте в административной политике правительства в отношении сибирских аборигенов прочно закрепилось в отечественной историографии. Характерно, что базировалось оно на результатах исследований, выполненных на материалах Восточной Сибири, а точнее, двух коренных народов края — бурят и якутов. Уже в силу этого обстоятельства для выводов общесибирского масштаба, на мой взгляд, не было достаточных оснований.

Сложившийся подход в трактовке положений 1728 г. получает дальнейшее развитие в диссертации В. Г. Марченко. Им предложена концепция формирования с XVIII в. системы косвенного управления ясачным населением Сибири. По его мнению, инструкция Владиславича-Рагузинского «впервые законодательно определила права и обязанности туземного управления всех народов Сибири» и «процедуру инородческого суда», закрепляла род как неделимую податную единицу, наделяла «князцов» судебной и административной властью и поставила задачу уменьшения влияния сибирской администрации на самоуправление коренных народов [8, с. 10].

С позицией Марченко согласуется точка зрения В. А. Зибарева. Он считал, что до начала XVIII в. «князцам сибирских народов права суда, равно как и власти вообще, правительство не предоставляло». Только в отдельных случаях оно наделяло представителей местной элиты соответствующими полномочиями. С инструкцией 27 июня 1728 г. он связывает переход от прямого к косвенному управлению и введение суда «так называемых родоначальников» [9, с. 50–51].

Оценка значения и роли рассматриваемого нормативного акта как выходящего за изначально определенные территориально-административные рамки стала общим местом в работах по вопросам законодательства и административной политики Российской империи на востоке страны. Характерным примером служит статья Ю. И. Семенова, предвещающая публикацию правовых актов Российской империи, определявших правительственный курс по отношению к «первобытным и предклассовым обществам». Он полагает, что инструкцией, выданной Фирсову и Михалеву «стали руководствоваться на *всех территориях России* (выделено мною. — А. К.), где существовали предклассовые общества» [10, с. 33].

Следует подчеркнуть, что исследования Марченко, Зибарева, Семенова охватывают все регионы Сибири и даже Европейский Север, но, к сожалению, в них не приведено документально обоснованных примеров действия положений Инструкции за пределами районов Забайкалья. Более того, Зибарев признавал, что «суд, введенный инструкцией Владиславича-

Рагузинского, никогда и нигде не существовал у них (народов Сибири. — *А. К.*) в чистом виде» [9, с. 61]. Судя по всему, названным авторам в рамках обобщающих работ важно было отметить нормативное закрепление новых принципов управления и суда, предложенных графом Рагузинским, в локальном, по сути, акте и проследить их развитие в законодательстве 60-х гг. XVIII — первой четверти XIX в. Но должного изучения практики применения этих норм и принципов не было осуществлено.

Из общего массива трудов по истории управления и ясачной политики в Сибири, касающихся интересующей нас темы, выделяются выполненные на западносибирских материалах работы А. Н. Копылова и Н. А. Миненко. Результаты проведенных ими исследований ставят под сомнение выводы их коллег о широком распространении действия инструкции 27 июня 1728 г.

Копылов, анализируя на примере Томского уезда первой трети XVIII в. порядок сбора ясака, отметил, что положения императорского указа 1727 г. и инструкции Рагузинского, разрешавшие вносить ясак отдельным родам через их представителей без посредства ясачных сборщиков, проводились непосредственно [11, с. 60].

Наиболее взвешенную, на мой взгляд, позицию в вопросе о практической значимости соответствующих нормативно-правовых актов первой половины XVIII в. занимает Миненко. Она сомневается в том, что «все указы и инструкции о порядке разбирательства в делах между ясачными принимались к исполнению на территории Северо-Западной Сибири». Здесь до определенного времени, вероятно, не было потребности в подобных документах, так как «ясачные сами не выносили мелкие внутривидовые и даже межродовые дела на суд русских» [12, с. 239]. Миненко не склонна рассматривать Инструкцию пограничным дозорщикам как основополагающий документ в области управления автохтонным населением, ограничивая его сферу судебным нормотворчеством, служащим цели «стабилизации и роста ясака» [12, с. 238]. В этом ее позиция близка точке зрения составителей «Обозрения главных оснований местного управления Сибири».

Подводя итог историографическому обзору вопроса, следует признать, что, несмотря на сложившийся стереотип в оценке инструкции Рагузинского от 27 июня 1728 г., у историков все же нет единства мнений по ряду аспектов. Это касается:

- действия положений инструкции за пределами приграничных районов Забайкалья и Прибайкалья;
- новизны вводимых инструкцией норм и принципов;
- обязательности применения этих норм.

Есть ли все-таки основания утверждать, что дополнения к инструкции пограничным дозорщикам 1728 г.

были распространены на другие регионы Сибири? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к источникам.

В. К. Андриевич приводит выдержки из указа Коллегии иностранных дел от 8 ноября 1729 г. сибирскому вице-губернатору Болтину. Этим указом предлагалось подтвердить иркутскому воеводе Измайлову, чтобы «в пограничных городах с китайскою стороною поступать во всем по силе трактатов; чтоб земские комиссары и пограничные коменданты иноземцев не притесняли, не грабили и разорения не чинили, чтоб тех иноземцев не озлобить и за границу не отогнать». В городские суды приказано направлять иноземцев только в криминальных делах, а по всем прочим «ведаться по своему обычаю по родам» [13, с. 389–390]. Другими словами, Коллегия напоминала о соблюдении соответствующего дополнения к Инструкции пограничным дозорщикам, касавшегося туземного населения приграничной полосы, но не распространяла его действие на другие территории.

Чтобы удостовериться в этом непосредственно по первоисточнику следуем за отсылкой Андриевича к Полному собранию законов Российской империи № 5479 в первом собрании. Но при знакомстве с соответствующим томом обнаруживается, что под указанным номером помещен совсем другой документ [14, с. 235]. Выясняется, что в ПСЗ вообще нет текста этого указа. Возможно, что в работе Андриевича допущена опечатка. Сомнения относительно существования указа, тем не менее, не возникает, так как сведения о нем, правда, по другому поводу, приводятся Сычевским. Об этом указе кратко упоминает и Миненко, но ссылается она на дело из фондов ЦГАДА (ныне РГАДА) [12, с. 239].

Дело «О составлении проекта положения о сборе ясака» содержит весьма любопытную подборку законодательных и распорядительных актов конца XVII — 50-х гг. XVIII в., собранных комиссией И. Данилова, учрежденной при Сибирском приказе в 1754 г. В разделе «о производстве между ясашными суда» находим среди прочих выписку из указа Коллегии иностранных дел от 8 ноября 1729 г. В ней, в частности, говорится, что ясашных подданных иноверцев «судить в грацких судах токмо в криминальных делах, в прочих же их спорах дать им позволение суды отправлять между собою по родам, как в наставлении ... графа Савы Владиславича писано» [15, л. 43–43об.].

Итак, интересующий нас указ существовал, но, как уже было сказано, он не расширял географию применения Инструкции. Кроме того, знакомство с выписками из других нормативно-распорядительных документов, содержащихся в названном деле, наводит на мысль о том, что даже в Иркутской провинции нормы Инструкции 1728 г. корректировались или дополнялись в последующем. Например, согласно инструкции, выданной «иркутскому дворянину и брацкаго

языка перевоотчику» Алексею Чемесову из Иркутской провинциальной канцелярии в августе 1753 г., одобренной Сибирским приказом, разрешалось «ему, Чемесову, обще с иноверческими зайсанами и шуленгами» проведение судебных разбирательств между тамошними иноверцами в драках, побоях, в краже и грабеже скота [15, л. 44–44об.].

О том, что положения 1728 г. не действовали на большей части Сибири, свидетельствует направленное в октябре 1740 г. в Сибирскую губернскую канцелярию доношение пограничного дозорщика Кирилла Худоногова. В нем он сообщает, что посланные от Енисейской провинциальной и Красноярской воеводской канцелярий комиссары и ясачные сборщики «будучи в волостях за ясашным сбором, промежду оными иноземцами имеют суд и росправу, чего было им и делать так не подлежало» [16, л. 137–137об.]. Как следует из документов по этому делу, в инструкциях ясачным сборщикам Енисейской и Тобольской провинций, в отличие от инструкции пограничному дозорщику, выданной в Иркутске, не содержалось запрета на разбор «судных дел» ясачных людей. В силу этих обстоятельств и просьбы Худоногова 27 октября 1740 г. последовал указ из Сибирской губернской канцелярии в «Тобольской провинции в города ... и в Енисейскую провинцию, и в ямь», которым повелевалось «посылающимся для ясашного сбора ... в инструкциях писать також и приказывать чтоб они, камисары и ясашные зборщики, по силе данной вышеобъявленному пограничному дозорщику Худоногову из Иркутской провинциальной канцелярии инструкции, ни в какие судные дела, кроме ясашного сбора ... отнюдь не вступали» [16, л. 137об., 139]. Можно полагать, что данным распорядительным актом впервые был распространен на всю Сибирь установленный инструкцией Рагузинского для приграничных с Китаем территорий запрет на разбор исковых дел аборигенного населения представителями русской администрации. Вместе с тем, этот указ не регламентировал полномочия волостных и родовых князцов и старшин в отношении как суда над соплеменниками, так и сбора ясака.

Что касается положений Инструкции 1728 г., связанных с регулированием сбора ясака, то здесь также не наблюдается их однозначно приоритетной и определяющей роли для других регионов Сибири.

В связи с многочисленными злоупотреблениями в «ясашном сборе» правительство неоднократно в течение 20–60-х гг. XVIII в. вынуждено было рассматривать доносы о беспорядках в этой сфере, отправлять следственные комиссии. В материалах по этим делам сохранились предложения по упорядочению сбора ясака, которые могут дать вполне адекватное представление о практике применения тех или иных норм практически по всему сибирскому региону.

В уже упоминавшейся статье Копылова приводятся данные о том, что сбор ясака «князцами и есау-

лами» в Томском уезде осуществлялся до появления Инструкции 1728 г. Но после того, как следствием Е. Денисова там были выявлены массовые злоупотребления со стороны глав ясачных волостей, сибирский губернатор А. Плещеев и вице-губернатор Болтин 2 июля 1731 г. постановили «впредь ясашную и поминочную е.и.в. казну князцом не собирать и в зборы не вступать». Вместо практиковавшегося поволостного обложения в Томском уезде был введен поголовный принцип взятия ясака [11, с. 65]. Таким образом, в сборе ясака мы видим ситуацию, прямо противоположную той, которая закреплялась Рагузинским в приграничных районах с Китаем.

В 1739 г. Л. Ланг, вступивший в должность иркутского вице-губернатора, подал в Кабинет доношение, в котором, между прочим, было предложено, чтобы во всей Сибирской губернии «по татарским и прочих ясачных людей деревням и кочевьям для сбора ясака посылок впредь не учинилось и чтоб ясачные люди в те города и остроги, в которых они присудны, сами ясак в канцелярии принесли». Тем, кто себя «отменною ревностию покажут», предлагалось «повышением чести или сукном на одежду, да погребом Ея И. В [еличест] ва пожаловать». Посылать за ясаком «добрых и совестных людей» следовало только к тем, «которые в надлежащее время ясак не принесут» [17, л. 351]. Записка была передана на обсуждение в Сенат, а 1 февраля 1740 г. последовала Высочайшая резолюция на сообщение Сената в Кабинет. Сенат поддержал предложение о внесении ясака самими ясачными людьми «в города и остроги... на определенные сроки», о чем следовало «из Иркутской провинции публиковать». При этом указывалось поступать «по рассмотрению его вице-губернатора Ланга и обретающихся в городах воевод и управителей» [18, с. 20, 22, 30]. Интересно, что ни Ланг, ни Кабинет, ни Сенат не упоминают об Инструкции 1728 г. Таким образом, можно заключить, что к моменту назначения Ланга в Сибирь, даже в ее восточной части, положение инструкции Рагузинского относительно сбора ясака через родоначальников на практике не действовало. Об этом свидетельствует и упоминавшееся доношение дозорщика Худоногова, который пишет, что в приграничные районы присылаются для сбора ясака из уездов разных провинций ясачные сборщики. Самим же дозорщикам велено «иметь розъезды между российской и китайскою границами, и ежели кто из русских служилых или ис поданных ясашников будут кого озлоблять или грабить и насильства чинить, таковых велено... удерживать и до таких раззорительств и грабежа не допускать» [16, л. 137].

Вышеупомянутым указом от 27 октября 1740 г. из Сибирской губернской канцелярии в Тобольской и Енисейской провинциях в порядке сбора ясачной подати ничего не менялось. Указ не содержал никаких рекомендаций по поводу возможности привоза яса-

ка в города князьями и старшинами, несмотря на известные губернским властям многочисленные факты злоупотреблений воевод и ясачных сборщиков. Высочайше одобренное предложение Сената от 1 февраля 1740 г. также не нашло в нем отражения. Оно, вероятно, коснулось лишь Иркутской провинции.

Только в 1741 г. в инструкции сибирскому губернатору И. Шипову появляется предписание поощрять привоз ясака в города и остроги самими ясачными, к которым, в случае сдачи ясака в срок, не посылались бы ясачные сборщики [19, с.64]. Не случайно, по-видимому, что Сибирский приказ в 1742 г. требует от сибирских воевод сообщить всем волостным князьям и старшинам, чтобы они приносили ясак в города, а сборщиков посылать туда, где старшины откажутся от доставки пушнины сами [15, л. 25об.–28]. Аналогичные указания обнаруживаются в инструкции якутскому сотнику В. Кривошапкину о ясачном сборе 1752 г. [20, с. 187–189].

Таким образом, именно инициатива Ланга имела последствием нормативно-правовое закрепление, правда, в рекомендательной форме, возможности для всех сибирских «иноземцев» сдавать ясак через своих «родоначальников» без посредничества русских фискальных агентов.

Тем не менее практика сдачи ясака князьями и старшинами не получила до первой ясачной реформы широкого распространения. Об этом свидетельствуют

многочисленные предложения о передаче сбора ясака в руки волостных и родовых начальников, высказывавшиеся в течение 1740-х — начала 1760-х гг. в донесениях поручика И. Турчанинова, асессора Ф. Соловьева, проекте якутского воеводы Ф. Чередова. Исследовать возможность соответствующих изменений поручалось комиссии И. Вульфа, отправленной в Восточную Сибирь в 1745 г. [21, с. 74–76].

Подводя итоги проведенному исследованию, можно сделать вывод о том, что соответствующие дополнения к инструкции пограничным дозорщикам 27 июня 1728 г. во многом опередили свое время. Этот документ носил локальный характер, будучи предназначенным для урегулирования взаимоотношений русской администрации с бурят-монгольским населением в приграничных районах Забайкалья. Распространение действия отдельных норм, предусмотренных Инструкцией в судебной и ясачно-фискальной сферах, на территорию Западной и Средней Сибири происходит только с начала 40-х гг. XVIII столетия. Применение их на практике в Сибири не имело до 1763–1769 гг. систематического и повсеместного характера. Идеи Владиславича-Рагузинского относительно принципов управления народами региона с трудом, постепенно пробивали себе дорогу, найдя наиболее полное и последовательное воплощение в первой ясачной реформе и Уставе об управлении инородцев.

Библиографический список

1. Дамешек Л. М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII — нач. XX в.). — Иркутск, 2007.
2. Историческая записка о Китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного правления Сычевским в 1846 году / сообщ. В. Н. Баснина. — М., 1875.
3. Обзорение главных оснований местного управления Сибири. — СПб., 1841.
4. Высочайше учрежденная под председательством статс-секретаря Куломзина комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области : материалы. Вып. 5. Исторические сведения / сост. А. Щербачев. — СПб., 1898.
5. Кудрявцев Ф. А. История бурят-монгольского народа. — М. ; Л., 1940.
6. История Сибири с древнейших времен до наших дней. — Л., 1968. — Т. 2.
7. Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири XIX — начало XX века. — Иркутск, 1986.
8. Марченко В. Г. Управление и суд у малых народов Севера Сибири и Дальнего Востока в царской России : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Томск, 1985.
9. Зибарев В. А. Юстиция у малых народов Севера (XVII–XIX вв.). — Томск, 1990.
10. Национальная политика в императорской России. Поздние первобытные и предклассовые общества Севера Европейской России, Сибири и Русской Америки / сост., ред. и автор вступ. ст. Ю. И. Семенов. — М., 1998.
11. Копылов А. Н. К вопросу о принципе ясачного обложения и порядке сбора ясака в Сибири (по материалам Томского уезда первой трети XVIII в.) // Известия СО АН СССР. — 1969. — № 1. — Серия: Общественные науки. — Вып. 1.
12. Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. : историко-этнографический очерк. — Новосибирск, 1975.
13. Андриевич В. К. История Сибири. Составлена по данным, представляемым Полным Собранием Законов и актам Петровского царствования. — СПб., 1889. — Ч. II.
14. О взимании лесникам с продаваемого ими леса чистой прибыли по 10 копеек с рубля...: Сенатский указ // (Полное собрание законов Российской империи)-I. (ПСЗ-1) Т. VIII. № 5479.
15. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). — Ф. 214. — Оп. 1. — Ч. 8. — Д. 6942.

16. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив Тюменской области (ГБУТО ГАТО). — Ф. и-47. — Оп. 1. — Д. 1895.

17. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. X // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 130. — Юрьев, 1909.

18. ПСЗ-1. — Т. XI. — № 8017.

19. Рафиенко Л.С. Инструкция Сибирскому губернатору 1741 г. // Археографический ежегодник за 1973 год. — М., 1974.

20. Стрелов Е.Д. Акты архивов Якутской области (с 1650 до 1800 г.). — Якутск, 1916. — Т. 1.

21. Рафиенко Л.С. Проблемы истории управления и культуры Сибири XVIII–XIX вв.: Избранное. — Новосибирск, 2006.